

Виталий КОВАЛЕВ

ЖИЗНЬ В АСАРИ

Рассказ

Во время работы над «Жизнью в Асари» рядом со мной, на столе, сидел мой главный помощник — плюшевый медвежонок Пузик. Он смотрел на меня своими трогательно-доверчивыми глазами, а я, раздумывая над текстом, смотрел на него. И теперь я могу с полным основанием сказать, что мой маленький друг очень мне помог, являясь важным камертоном, по которому я настраивался на ту мелодию, что звучала в моей душе в детстве и юности.

Пролог

Над садовым столиком пролетела бабочка и села на букет цветов, которые жена собрала утром в нашем дворе. Разноцветные крылья бабочки слились с букетом, и она стала невидимой на его фоне.

— Сегодня перебирал старые фотографии и нашел любопытный снимок, — сказал я, — на нем поляна, на которой стоит наш дом, лес, что вокруг нас, но дома еще нет. Представляешь, я смутно помню, как когда-то отец впервые привел меня на это место и как я бегал по этой поляне... Мы вот говорим, что человек проживает свою жизнь, уходит и словно и не было его на земле. Но получается, что уходим мы гораздо раньше. Ведь и того мальчика тоже больше нет. Сколько ни ищи, нигде его не найдешь.

— А как же ты?

— Я уже другой человек.

— Нет, тот мальчик никуда не пропал, и даже, скажу тебе больше, он по-прежнему бегаёт по поляне, на которой нет еще никакого дома. И твоя «Жизнь в Асари» лучшее тому подтверждение. Кто еще мог это написать, как не тот мальчик? Только он знает, что здесь происходило много лет назад и как это было.

— Может, и вправду времени не существует, и то, что было, то, что есть и что будет, существует в этот единый миг, но понять это так трудно. Ведь ласточки уже улетели. А значит, прошло их время.

Жена, начавшая было читать книгу, посмотрела на небо.

— И что, ни одной больше нет? — спросила она.

— Ни одной. Они прилетают позже всех птиц и улетают первыми. И казалось бы, как же это так, что времени не существует? Но с другой стороны, посмотри на снимок. Я взял его, чтобы показать тебе. Что ты на нем видишь?

Виталий Васильевич Ковалев родился в 1957 году. Окончил Рижскую художественную школу имени Яна Розенталя и Латвийскую государственную академию художеств имени Теодора Залькална (отделение книжной графики). С 1981-го по 1991 год работал главным художественным редактором в издательстве «Zinatne» Академии наук Латвийской ССР. Публиковался в журналах «Eva & Adam» (Латвия), «Волга XXI век» (Саратов), «West/East» (Лос-Анджелес, Калифорния), «Приокские зори» (Тула), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Зарубежные задворки» (Дюссельдорф), «Дальний Восток», «Кольцо А» (Москва) и др. Живет в г. Юрмале.

- Вижу поляну, лес...
- Но там есть и еще кое-что.
- Не вижу. Что?
- Посмотри, в уголке снимка, на самой верхушке сосны, сидит ворона. А теперь взгляни на сосну у нашего забора. Не та ли это ворона сидит и сейчас на том же самом месте? Они ведь очень долго живут, причем в одних и тех же местах. Вот и получается, что нет никакого времени и сейчас, прямо в этот миг, все точно так же, как было тогда...

Поляна

Всю дорогу со станции отец несет меня, совсем еще маленького, на своих плечах и, только лишь дойдя до места, опускает на траву, согретую солнцем. Я выхожу на середину поляны и оглядываюсь на отца.

- Здесь будет наш дом? — спрашиваю я.
- Да. Прямо там, где ты стоишь.
- А где будет моя комната?
- Над тобой. На втором этаже.

Я смотрю вверх и вижу голубое небо, верхушки деревьев в вышине и на одной из них ворону, которая то и дело срывается с ветки, взмахивает крыльями и снова усаживается на гибкую ветвь. Ворона видит меня, видит море за лесом, но вдруг срывается с верхушки и исчезает в глубине леса.

Я вглядываюсь в зеленый лесной сумрак, в котором замерли папоротники и где по стволам деревьев, словно юркие зверушки, скользят пятна солнечного света. Ветер, пахнувший хвоей, обдает мое лицо прохладой. И в этот миг я чувствую, что затаившийся лес смотрит на меня, рассматривает. Высокий и таинственный, он шумит вершинами и слепит глаза солнечными лучами, пробивающимися сквозь ветви.

Он говорит со мной — чувствую я, угадывая в шуме леса что-то очень ясное, но не выразимое словами. Но почему он шумит так грустно? Мне тоже хочется что-то сказать в ответ. И увидев, что отец смотрит в другую сторону, я помахал лесу рукой.

Волк... волк...

Живя в городе, я привык к шуму трамвая за окном, к голосам людей, проходящих под окнами, к скребкам лопаты дворника ранним зимним утром и веерообразным полосам света, скользящим ночью по потолку, когда машины проезжают мимо окон. Живя среди городских звуков и всполохов света, я привык к ним и не подозревал, что может быть как-то иначе.

Но в первую же ночь в новом доме, окруженном лесом, меня оглушила полная тишина. Я не знал, что тишина может быть такой оглушительной, а темнота — завораживать переливами разноцветных узоров. И когда в моей комнате выключили свет, я впервые оказался в такой темноте, о существовании которой не подозревал прежде.

Вот на первом этаже, на кухне, звякнула посуда, послышался голос мамы, а когда все в доме стихло, по оконному стеклу заколотили капли дождя. И здесь есть звуки, думаю я, прислушиваясь к шуму березы за окном, но только они совсем другие. Далекий лай собаки, шелест листвы и далекий шум поезда во тьме — все это говорит об огромности пространства, окружающего наш дом.

Прижавшись ухом к подушке, я слышу ритмичный шум, похожий на поступь тяжелых шагов. Я прислушиваюсь к приближению чего-то еще более темного, чем ночь, и в памяти возникает черный фотоувеличитель, стоящий в кладовке, — с головой-кол-

паком и черным, шероховатым корпусом. И еще я думаю о волках, живущих в лесах, но почему-то волк представляется мне не таким, каким я видел его на картинках, а черным, с железной головой-колпаком и шероховатым телом фотоувеличителя. Железный волк приближается, шумят в моих ушах его неумолимые шаги.

Я переворачиваюсь на спину, чтобы лучше услышать волка, но как только мое ухо отрывается от подушки, ритмичный шум стихает. В доме тихо, и только дождь стучит по оконному стеклу и подоконнику. И под этот монотонный звук, радуясь, что не слышу тяжелую поступь страшных шагов, я закрываю глаза и засыпаю.

Фея нашего двора

Ранним утром меня будит брат. Он быстро ходит по комнате, выдвигает ящики стола, ищет что-то в шкафу.

— Куда ты идешь? — спрашиваю я сонно, приоткрыв глаза.

Брат стоит у моей постели, думает о чем-то, и тут его взгляд останавливается на мне.

— Ты спи, спи. Сегодня остаешься один и со двора не уходи. Понял?

— Да.

— Родители приедут к обеду.

— А куда ты идешь? — снова спрашиваю я.

Мне кажется, что я лишь на мгновение закрываю глаза, но вот солнечный луч, проникший сквозь занавеску, прогревает щеку и слепит в глаза. Я лежу неподвижно, пытаюсь понять, где же брат. Ведь только что он стоял рядом со мной. Но в доме тихо. И тут, поняв, что все ушли, я отбросил легкое одеяло.

На кухне вижу сваренное яйцо всмятку, бутерброды, накрытые блюдцем, и клубнику с сахаром. Я ем и через занавеску наблюдаю за соседом, бегущим по дороге со своей собакой. Каждое утро он пробегает мимо наших окон, и мне всегда кажется, что не он выгуливает собаку, а она его. Огромный пес тащит соседа с такой силой, что тот едва успевает переступить ногами, отчего бежит он за собакой под углом, едва не падая на землю.

Позавтракав, выхожу во двор. Солнце показалось из-за березы, осветило стену дома, а это значит, что уже десятый час. Долго же я спал!..

Подойдя к воротам, осторожно приподнимаю металлическую щеколду, скрепляющую сверху створки ворот. Под ней, сменяя друг друга, живут то жуки, то гусеницы, а иногда и бабочка ночует под надежной железной крышей. Но сейчас я вижу неподвижно сидящую божью коровку и осторожно опускаю крышу ее жилища.

Идя вдоль забора, останавливаюсь у посадок гороха. Он еще не созрел, но и тонкие, согретые солнцем стручки мне тоже нравится жевать.

Глядя на сосны, высящиеся за забором, вспомнил соседа-столяра, к которому мы вчера с папой зашли — папа для того, чтобы поговорить, а я — набрать ненужные столяру обрезки дерева, из которых делаю машинки и другие игрушки.

Столяра я зову — дядя Рябчика. Так всегда и говорю папе: «Пойдем к дяде Рябчика». А все потому, что у него есть собачка Рябчик, с которой я люблю играть. Со стороны леса у столяра нет забора, и деревья подступают к самому дому.

— Не бойтесь, что дерево может упасть на дом? — спросил его вчера отец. — У нас одно упало во двор.

Дядя Рябчика, сидевший с сигаретой на крыльце дома, махнул рукой и выдохнул струю голубовато-серого дыма, который, попав в свет солнечного луча, стал золотистым.

— Я с деревьями дружу, — сказал столяр. — Помню, как в детстве мне мать говорила: «Пойди повыдергивай за домом все эти заросли». А я пожалел маленькие сосен-

ки. Ведь они были с меня ростом. А теперь вон какие красавцы!.. На днях подхожу к дому, о родных вспомнил, которых давно уже нет, о жене... Остановился среди деревьев и чувствую, что меня кто-то по плечу хлопнул. Оглянулся — нет никого. Смотрю под ноги — ну конечно, шишка упала с дерева. Обычное дело, но от такого пустяка стало мне как-то легче. Я почувствовал, что не один я. Вон они шумят — мои друзья. Те самые, с кем я вместе рос. Так что я деревьев не боюсь. А если какое и упадет, то, значит, срок тому пришел. Куда же от своего срока денешься?

Стоя у зарослей гороха, я вспоминаю о соседе и думаю, что у меня тоже есть во дворе дерево-друг. Я люблю качаться, ухватившись за его нижнюю ветку, смотреть на наш белый кирпичный дом и такие же белые облака в небе. Наверное, с высоты наш дом кажется крохотным кусочком сахара среди сосновой зелени.

Я иду дальше вдоль забора и подхожу к огромному муравейнику, скрытому за зарослями орешника, в глубине нашего двора. Это место я называю «джунгли». Стволы орешника здесь обвиты диким виноградом и еще чем-то похожим на настоящие лианы. В глубине за гибкими стволами виднеется белый столик, за которым в жаркий летний день так хорошо есть арбуз или просто читать книжку. А еще дальше, в самой глубине зарослей, словно гигантская пирамида, высится царь-муравейник. Он был здесь и тогда, когда начали строить дом, и мне хочется, чтобы через много лет я тоже мог бы сказать, что рос вместе с этими муравьями и даже помогал им.

Вот и сейчас, я решил им помочь — уложил небольшую доску на крутой склон, на котором высится муравейник, чтобы муравьям легче было поднимать вверх свою добычу.

Брат говорил мне, что не надо этого делать, а то муравьи разленятся, и рухнет их империя. А я думаю так: откуда муравьям известно, что я им помогаю? Они про меня ничего не знают. Мама мне говорила, что и Бог людям помогает и о нем тоже многие не знают. Так и здесь, что с того, что я опилки им подсыпаю? Опилки ведь и сами могли тут просыпаться. И доска могла здесь упасть случайно, сама собой. И подумав так, с легким сердцем, подхожу к штабелю досок у самого забора.

Здесь, под приподнятыми над землей досками, живут ежики. Вот им-то я помогаю и буду помогать, что бы мне ни говорили. Вон они и молоко из блюдца уже выпили. Надо будет вечером еще подлить. Ну а клубники у нас тут — целый двор. И грибов в лесу, за забором, сколько угодно.

Идя дальше вдоль забора, я подхожу к компостной куче, на которую вчера вечером выбросил куриные кости. Вижу, что лиса все слопала. Я знаю эту лису, и она меня тоже знает. Однажды она пробежала через двор совсем близко от меня и не тронула. А все потому, что она меня знает и от костей чувствует не только запах мяса, но и мой запах.

Однажды вечером, было тогда совсем уже темно, я увидел лису во дворе. Она стояла у сосен.

— Подожди! — крикнул я ей и побежал на кухню.

Из холодильника достал кусок мяса, оставшийся от ужина, и выбежал во двор. Когда глаза снова привыкли к темноте, различил лису за деревьями. Она не ушла — поняла меня, ждала. Я поднял руку с куском мяса, чтобы она увидела его и почувствовала запах. И не стал бросать, чтобы не спугнуть, а положил кусок мяса на траву.

Все это я вспомнил, стоя на том самом месте, среди сосен, где стояла тогда лиса. Солнце поднялось еще выше, и жара усилилась.

Неподалеку от меня большое кострище, обложено округлыми камнями. Прошлой осенью папа чистил землю и вырвал стебли кабачков, переставшие давать плоды. Он сложил их на кострище большой кучей. Когда я пришел на следующий день, то сердце мое сжалось — все стебли, словно человеческие ладони, тянулись к солнцу, под-

ставляя под его лучи широкие листья. Растения продолжали жить и тянуться к солнцу, не зная, что сложили их для того, чтобы сжечь.

И на второй, и на третий день они тянули вверх свои листья-ладони... А теперь кострище пустое. Лишь тонкая пелена пепла застилает его дно. Мне кажется, что никто тогда не обратил внимания на те стебли. Только тете Тане, маминой сестре, гостившей у нас тем летом, я рассказал об этом. А она приобняла меня и сказала:

— Тебе надо быть готовым к тому, что в жизни тебя не будут понимать.

Думая обо всем этом, я увидел за забором соседскую девочку Иру. Она идет по дороге и машет мне рукой.

— А ты слышал, — говорит она, проходя через ворота и заглядывая под металлическую щеколду, — приехали дядьки и фотографируют наш березняк.

— Зачем? — спрашиваю я, в то время как мы идем с ней через наш двор.

— Они дома там будут строить. Ты разве не слышал? И лес попилят.

Я остановился. Сразу вспомнился золотистый в лучах солнца березняк с тропинками среди зарослей брусники, подберезовики, усыпанные желтыми монетками листвы... И еще вспомнилась Фея...

— А как же Фея? — спрашиваю я. — Ведь это же ее лес.

— Так об этом я и говорю тебе!..

О существовании Феи мы узнали вместе с Ирой прошлой осенью. Мы пошли в березняк за грибами и зашли в самую его глубину. Решили отдохнуть и, присев на поваленный бурей ствол березы, стали перебирать в корзинах свою добычу. Собирая грибы, Ира в большой лопух, свернутый кульком, набрала брусники, и мы теперь вместе ели крупные темно-красные ягоды.

Вершины деревьев шумели над нами — ослепительно-яркие, когда их озаряло солнце, выглядывающее из-за облаков, и гаснущие, когда солнце скрывалось, что напоминало нам о приближающихся осенних, темных днях.

И тут мы услышали странный ритмичный стук. Сначала он был едва слышен, но звучал все громче и громче. Было похоже на стук одной палки о другую, и звук этот быстро приближался к нам.

Мы переглянулись. Никогда нам не было страшно в этом лесу, а тут мы впервые почувствовали тревогу. Можно было бы побежать, но куда? Нам казалось, что странный звук доносился со всех сторон.

— Помоги нам! Пожалуйста, помоги! — едва слышно шептала Ира.

— Ты кому говоришь? — спросил я.

— Фее, конечно. Я читала, что они живут в лесах и только такая Фея может нам помочь... Феечка, ну пожалуйста, помоги нам! — воскликнула Ира громко.

И только она это сказала, как налетел сильный порыв ветра. Вокруг нас, словно цветной снег, закружилась пурга желтых, красных, оранжевых листьев. И наши корзины засыпало листвой и нас с Ирой, которая и сама стала похожа на Фею, потому что ее волосы, светлые, как стебли трав осенью на дюнах, были усыпаны разноцветной березовой листвой.

Порыв ветра стих, и наступила тишина. Только и было слышно, как Ира дышит, а она, наверное, слышала, как дышу я. Вот тогда-то мы и узнали о Фее, живущей в том лесу.

— И что же теперь делать? — спрашивает Ира, когда мы остановились посередине двора. — Что теперь с ней будет? Ведь там начнут рубить лес, песка навезут, кирпичей, фундамент начнут делать. А сколько грохоту будет!..

— Давай спасем ее, — говорю я Ире.

— Как?

— Перенесем ее в наши «джунгли». Никто ее там не тронет.

- Но как же мы ее перенесем? Она же невидимая.
- Когда мы переезжали сюда из городского дома, мама сказала, что надо забрать с собой и нашего домового. И сделали мы так: взяли меховую шапку, я зашел с ней на кухню и громко сказал домовому, чтобы он залезал в нее, так как мы уезжаем. И сказал, что в шапку мы заглядывать не будем. Мы так и сделали. А когда приехали сюда, то точно так же я занес шапку на кухню, положил на стол и сказал: «Выходи, домовый, вот твой новый дом». И вышел из кухни.
- И ни разу туда не посмотрели?
- Нет.
- В шапку? — задумалась Ира. — Но у меня есть только вязаная и мохеровая.
- Я тебе свою шапку дам. Ты сможешь сейчас сама пойти в лес? Я бы с тобой пошел, но нельзя мне уходить, я пообещал родителей дожидаться. А в лесу скажи все то, что я говорил, и ни в коем случае не смотри в шапку.
- А что будет, если посмотрю?
- Нельзя!..
- Хорошо. Я не буду смотреть. Обещаю.
- Я вижу, как Ира уходит со двора с моей зимней шапкой в руках, осторожно опускает щеколду на воротах и, прежде чем побежать в сторону березняка, оборачивается и кричит мне с середины дороги:
- Я не буду смотреть!.. Честное слово! И мы спасем нашу Фею...

День, когда ничего не случилось

Я вышел вечером из калитки и оказался на дороге, усыпанной мелким гравием, как раз напротив соседского дома, в котором живет старый Алоиз. Он постоянно чем-нибудь занят, и даже сейчас, когда я вижу его за листвой жасмина, растущего вдоль его забора, я смутно представляю, как он выглядит. Алоиз очень редко выходит со своего двора, а если и встретишь его на дороге, то лица его все равно не рассмотришь, потому что он всегда глядит себе под ноги, низко склонив голову.

У него есть старший брат, бежавший с отступавшими немцами во время войны. Он живет в Аргентине. Алоиз, с которым папа общается через забор, рассказал, что получил от брата письмо. Тот, уже старый и больной, пишет, что хотел бы вернуться на родину, чтобы здесь умереть.

Вот и сегодня, выйдя из калитки, я подумал: не вернулся ли брат Алоиза? Я поглядываю на дверной проем соседского дома, а так как Алоиз охотник, то брат его видится мне стоящим в дверях с охотничьим ружьем в руках. Я уверен, что он нас очень не любит. Да и приехать ведь он хочет для того, чтобы умереть на родине.

Я прохожу по дороге мимо нашего двора, мимо яблони, с которой мы ровесники, мимо нашего белого, кирпичного дома, окруженного соснами.

Когда идет дождь и дует сильный ветер, раскачивая деревья, когда струи дождя заливают оконные стекла, мне кажется, что наш дом похож на корабль, плывущий среди бушующих волн, а я, стоящий в эркере второго этажа, — капитан, от которого зависит, дойдет ли корабль до берега целым и невредимым. А иногда я думаю: а вдруг придет время, когда не будет больше моего отца, не будет мамы и моего старшего брата, и тогда, оставшись один у окна, заливаемого дождем, я пойму, что никакой игры и не было. Наш дом действительно корабль, и он плывет среди высоких волн, способных сокрушить его в любое мгновение.

На перекрестке я останавливаюсь у большого гранитного камня. Когда-то этот камень принадлежал скульптору, он умер много лет назад, а новые хозяева дома по-

ложили камень у забора. Я думаю, что из этого камня мог бы получиться чей-то портрет. Ведь в камне угадываются очертания головы, шеи и плеч. Но нерожденная скульптура будет теперь так и лежать у забора, только лишь для того, чтобы машины не заезжали на газон.

С правой стороны дороги, у самого края канавы, растут высокие березы, за которыми начинается лес, окружающий наш дом. А в том месте, где лес граничит с поляной, чуть светлеющей за его стволами, лес окаймлен высокими елями. Эти деревья такие древние, что поросли мхом, и растут они строго по прямой линии, на одинаковом расстоянии друг от друга. А это значит, что когда-то, очень давно, их кто-то здесь посадил. Я никогда не узнаю, что это был за человек, но иногда пытаюсь его себе представить.

Я захожу в зеленую тень под еловые ветви, стою на бугристых корнях, трогаю рукой затвердевшие куски смолы, янтарными вкраплениями горящие на темных стволах, и чувствую крепкий аромат хвои.

Вот тут, на этом самом месте стоял человек, сажавший это дерево, ставшее теперь таким большим, что и взрослый человек не обхватит его руками. С его вершины видно море и лесная даль, в которой слышится шум далекого поезда.

Я иду дальше вдоль еловых стволов и выхожу к лесному пруду. Присев на корточках на краю обрывистого берега, я вижу, что пруд, как и говорил мне папа действительно кем-то устроен, так как он правильной прямоугольной формы. И хотя весь лес вокруг сосновый, по краю пруда растут березы, низко склонившиеся над водой.

Я иду по тропинке вокруг пруда и замечаю в кустах черники красные и желтые шляпки сыроежек. Присев на корточки, рву чернику, ем ее и смотрю на наш дом, чуть видимый за деревьями. В его окнах уже зажгли свет.

Позади меня что-то плеснуло в воде, и я оглянулся. На неподвижной глади лесного пруда горят искорки первых звезд, слышен тихий щебет какой-то птицы, и слышно, как вдоль ствола сыплется древесная шелуха. Тихо вокруг, но если прислушаться, можно уловить звук перестука колес далекого поезда.

И я снова вспомнил о человеке, который посадил ели на лесной опушке, и создал пруд, окруженный дорожкой для прогулок, и посадил на его берегах березы. Но ведь, наверное, он сделал это не для себя. И не один он когда-то здесь гулял. Был кто-то еще, кто видел вместе с ним звезды, отраженные темной поверхностью пруда, и слышал, как звенит лесная тишина. А в вечернем небе точно так же, как сейчас, летели в сторону моря розовые, от закатного солнца, чайки.

Я долго сижу у пруда, а когда совсем стемнело, иду назад по той же тропинке. За ветвями елей, на большой поляне, я вижу лошадь в тонкой полосе тумана и рядом с ней мальчика лет семи. Он тоже стоит по пояс в тумане перед темной стеной леса.

Приблизившись к лошади, мальчик протягивает к ней руку, но она резко оборачивается, хватая зубами мальчишку за штанину и, мотнув головой, переворачивает в воздухе. Он тут же вскакивает с земли и торопливо осматривается по сторонам. Убедившись, что никто не видел его падения, подтянув штаны, мальчик бежит к дому, виднеющемуся вдали. А лошадь, опустив голову, так и стоит по колено в призрачной реке, и кажется, что пьет неподвижный туман.

И будет утро!..

— Давай, пора идти! — брат трясет меня за плечо и начинает быстро одеваться.

Проснувшись, я смотрю на окно, за которым еще ночь, и не сразу вспоминаю, куда он меня зовет.

— Только не шуми, — говорит брат, спускаясь на первый этаж.

Одевшись, я спускаюсь по лестнице, как и он, наступая не на середину ступеней, а на края, чтобы их скрип не разбудил папу с мамой. На кухне брат уже разливает чай по чашкам из заранее приготовленного термоса и делает бутерброды. Я ем, глядя в окно, и не вижу в темноте ни одного огонька.

— А сколько сейчас времени? — спрашиваю я.

— Уже три часа.

— Мы так рано идем?

— В пять уже клев начнется. А нам еще до реки идти.

— Ты думаешь, что будет клев? — говорю я и, допив чай, отодвигаю кружку. — Вчера в прогнозе погоды говорили, что дождя не будет.

— Иногда и без всякого прогноза знаешь, какая будет погода и какой клев. Просто чувствуешь это.

— И у тебя такое бывало?

Брат смотрит на меня и, вставая из-за стола, отвечает:

— У меня в жизни все бывало.

Наши снасти уже стоят у двери. Брат закидывает на плечо лямку большой сумки и берет связку наших удочек, а мне достаются пакет с наживкой, садок и большой сачок.

Спускаясь с крыльца, я смотрю на небо и вижу, как сверкает россыпь звезд и Млечный Путь невесомой искрящейся дымкой тянется в сторону моря, беззвучно лежащее во тьме за соснами.

Идя по дороге, мы то заходим в свет фонарей, желтый и теплый, словно янтарь, то оказываемся в темноте, где дорога едва бледнеет между двумя стенами темного леса. Не хотелось бы мне ночью оказаться здесь одному, а с братом ничего не страшно. Далеко впереди нас через дорогу метнулась длинная тень, похожая на лисью. А в глубине леса что-то потрескивает и шуршит, как будто какой-то зверь движется вместе с нами, не решаясь выйти в свет фонарей.

— А это что? — показываю я на изогнутые темные пятна на дороге, прямо перед нами. — Это змеи?

— Ночью змеи не ползают. Это ветки попадали с дерева, — отвечает брат и добавляет: — Но все равно не наступай.

Но вот ветерок доносит запах камыша, и становится теплее. Наверно, это от речной воды идет тепло. Лес расступается и остается позади нас. Теперь по едва приметной тропинке мы пробираемся среди высоких трав. Брат освещает фонариком высокую стену камыша, из-за которого слышатся плеск воды, приглушенные голоса и скрип уключин. Шлепки весел становятся все тише, невидимая во тьме лодка удаляется, и все стихает.

«Наверное, поплыли сетку ставить», — думаю я, в то время как мы выходим на песчаный берег.

— Хорошо, что нет комаров, — говорит брат. — А то бы они нас заели... А на нашем месте уже кто-то есть.

Свет его фонарика выхватывает из темноты то ветки, лежащие на песке, то глубокие промоины в песке, но вот он метнулся вперед, осветив несколько фигур у костра. Огонь потрескивает, и видно, что хворосту подбросили, потому что искры взметнулись вверх и закружились столбом в черном небе.

— Вы на наши удочки не наступите, — слышится голос отца Иры, которого все местные ребята зовут дядь Женя.

Он сидит в свете костра и помешивает ложкой в небольшом котле, подвешенном над огнем на двух рогатинах. Дымок далеко разносит ароматный запах макарон с ту-

шенкой, от которого у меня во рту уже текут слюнки. Рядом с ним я вижу Иру и ее младшего брата Димку. Оба они большие любители костра и ночной рыбалки.

В свете костра мелькнула рука Иры, она машет мне и подвигается, готовя место на нашей любимой коряге, выброшенной на берег рекой, — гладкой и очень удобной. А мой брат, опустив наши вещи на траву возле костра, скидывает куртку. Он, видно, тоже почувствовал тепло, идущее от реки.

— Садитесь к нашему костру, — приглашает дядь Женя, его круглое лицо лоснится, озаренное снизу огненным жаром, а сам он, округлый и подвижный, напоминает мне Винни-Пуха — веселого и доброго.

— Надо сначала вписаться в ландшафт, — отвечает брат, глубоко вдыхая ночной воздух. — Ну что тут у вас? Клюет?

— Тихо пока. Я тут для полной ясности забросил пару удочек, но раньше как через час ждать нечего. Верно, команда? — ерошит дядь Женя Димкины волосы и начинает раскладывать в небольшие плоские горячие макароны. — Давайте попробуйте нашей стряпни.

— Говорят, сейчас ливень идет. Но мне на удочку он ни разу не попадался, — говорит брат, словно не слыша его приглашение, а я тем временем сажусь рядом с Ирой и тоже беру протянутую мне миску.

— На удочку его не поймашь. Мы вон там, за камышами, трехстенку растянули, — небрежно машет дядь Женя рукой в темноту. — Еще с вечера. Вот в нее скорее попадет. И представляешь, вчера бобер в нее чуть не влетел. Но он молодец, перепрыгнул сетку. Люблю я их! Деловой народ!.. Эх!.. Красота-то какая!..

— Да, красивый вид, — согласился брат и, показав на противоположный берег, скрытый во тьме, добавил: — Оттуда сюда... Ну что, пойду донку заброшу.

— Папа, а ты открывалку для лимонада забыл, — говорит Ира, роясь в сумке.

— Да, наверное, забыли. А у тебя нет? — спрашивает дядь Женя у брата.

Тот берет протянутую ему бутылку и, поддев крышку кольцом, легко ее срывает.

— Вот это да! — восхищенно произносит Ира. — А как вы это делаете?

— Годы долгих тренировок, — отвечает брат и, подняв с травы снасти, светя фонарем себе под ноги, уходит в темноту.

Глядя ему вслед, дядь Женя закашливается, стучая себя кулаком в грудь. Отдышавшись, он вытирает заслезившиеся глаза и подбрасывает в огонь несколько веток.

— А мне часто снится, что я умею летать, — говорит Ира, дуя на свою ложку. — Я летаю и думаю: вот покажу сейчас всем, как я это делаю! Вот все удивятся!.. А когда просыпаюсь, то понимаю, что это был сон. Так жалко становится!

— А что с того, что это сон? Ты же летала!.. А это главное, — говорит ей дядь Женя.

— Так не по-настоящему же, а во сне.

— А что с того, что во сне? — глядя на огонь, не соглашается он. — Мы про сны ничего не знаем. Может, то, что во снах происходит, оно такое же важное, как и то, что здесь у нас происходит, у этого костра.

— Да? — широко раскрыв глаза, тихо спрашивает его Ира.

— Конечно! А может, еще важнее. Приснилось... Приснилось — это просто слово. И ничего оно не объясняет. Это, ребята, тайна, куда мы во сне попадаем. Тут полной ясности нет. А ты там еще и летать умеешь...

— А тебе не снилось, что ты летаешь?

Дядь Женя улыбается и молчит, глядя поверх наших голов, как будто задумался о чем-то. А на реке тихо, но тишина эта ночная. Тут и едва слышный плеск воды, и осторожное шуршание камыша, взмахи крыльев ночной птицы, писк в глубине трав и потрескивание костра... И все это вместе и есть — ночная тишина.

Мы улетаем дымящиеся макароны, и кажутся они нам такими вкусными под звездным небом, что ничего лучше и представить себе невозможно!.. А дядь Женя снова кашляет, а Ира, придвинувшись, смотрит на него внимательно и говорит:

— Ты взял с собой лекарство? Если забыл, то я могу сбежать.

— Здесь оно у меня, в кармане. Но я вам, ребята, так скажу — вот все это, что вокруг нас, и есть то, что я называю три «т». Самое лучшее в мире лекарство.

— А что это за три «т»? — не понял я, а сам по глазам Иры вижу: она знает, о чем идет речь, видно, не в первый раз дядь Женя говорит об этом.

— Это тишина, темнота и тепло. В аптеке это не продается. А здесь, ночью у реки, этого сколько угодно.

— Папа, — Димка, дремавший возле него, вдруг проснулся, зашевелился у его руки и смотрит на отца темными, как ночное небо, глазами, — а какой ты был, когда был маленький?

— Такой же, как ты и был. Считай, что ты — это я и есть. Так же бегал, так же возле отцовской руки дремал, как и ты.

— Ну нет!..

— Как это нет?..

— Я сам свой.

— Свой ты будешь, когда вырастешь.

— А тебя ругали, когда ты маленький был?

— А ты как думал?.. Нашего брата, мальчика, как не поучить, если за дело. Но не очень меня ругали. Любили меня. И даже больше чем любили.

— А как это — больше.

— Жалели меня, Димка. Вот как... О!.. Кажись, взяло! — и, услышав звон колокольчика, дядь Женя вскочил на ноги и побежал с фонариком к удочкам.

Брошенный на землю фонарь освещает лишь голенища сапог, а самого его не видно в темноте, только слышатся мах подсечки и потрескивание старой катушки.

Ира с Димкой ждут, что будет дальше, и, как только слышат возглас «Есть!..», тут же бегут к отцу. Димка хватает с земли фонарик и освещает воду у берега, а Ира уже стоит по колено в воде, держа сачок наготове.

Видно, что туго идет из воды леска, позванивает, как струна, задевая камыш, а в темноте уже слышны удары хвостом по воде и бурливое движение подтягиваемой к берегу рыбы.

— Ох, и лопатник же идет!.. — восхищенно цокает языком дядь Женя. — Ирина, с другой стороны заходи, он влево уходит!

Я тоже разулся и спустился с покатога берега в воду, чтобы вместе с Ирой подхватить рыбу сачком.

Резкий удар хвоста прямо перед нами обрызгивает нас с Ирой с головы до ног, и вслед за этим наступает тишина, нарушаемая вздохом дядь Жени и хлопком рукой по колену:

— Ах!.. — только и вымолвил он, подтягивая к берегу крючок с ободранной наживкой.

— Что тут у вас? — подбегает к нам мой брат.

— Лещ!.. С лопату шириной!.. Ах, ушел!

— Видели его?

— Нет. Их вон обрызгал. Но хорош был!..

Дядь Женя, продолжая вздыхать, нацепляет на голый крючок пучок червей и размахивается гибким удилищем. Следует несколько мгновений тишины, а потом где-то далеко-далеко, чуть ли не на середине реки, слышится шлепок наживки о воду.

— Для полной ясности хотелось бы понять, что же это было, — говорит дядя Женя, снова усаживаясь у костра.

— Вряд ли лещ, — говорит брат, садясь рядом с ним. — Для него еще рано.

— Шут его знает! Может, и вимба, но она так не идет. На леща похоже. Тяжело шел...

Они помолчали, прислушиваясь к тишине. Брат покуривает, а дядя Женя просто сидит и смотрит на огонь.

— Я там чуть дальше забросил, — махнул брат рукой в темноту. — Сегодня на белого червя попробую.

— Там хорошо. Там яма, — одобрительно кивает дядя Женя.

На реке резко ударила рыба, и так сильно, что мне показалось, это пловец зачерпнул воду рукой.

— Шут с ней, с той рыбой! Да, ребята!.. — говорит дядя Женя нам, сидящим с фонариком возле удочек, и снова поворачивается к брату. — Мне дома говорят: зачем берешь их с собой в такую рань? Так ведь только сейчас их брать и надо. Меня отец тоже брал на речку. Я тогда еще ни читать, ни писать не умел, а он, помню, обнимал меня за плечо, как я сейчас Димку, и говорил: «Посмотри на это небо, на лес, что на том берегу, и послушай, какая тишина вокруг... Думаешь это тишина? Думаешь, это просто ночь и звезды? Нет, брат. Это Пушкин и Лермонтов. Вот что это такое». И отец был прав. Так я узнал и почувствовал их раньше, чем прочитал. Вот все это, что над нами, со всеми звездами, со всем безумием пространств, да это же не что иное, как «Мцыри»!.. А я его, кстати, всего знаю.

— Да, я помню. Вы как-то читали вот тут же, на берегу.

— Да-да, и я помню. Ночь и «Мцыри» — что может быть лучше! Я им, чертенятам, когда просят, много из Лермонтова читаю. Вот это, например:

В чугу́н печальный сторож бьет,
Один я внемлю. Глухо лают
Вдали собаки. Мрачен свод
Небес, и тучи пробегают
Одна безмолвно за другой,
Сливаясь под ночную мглой.
Колеблет ветер влажный, душный
Верхи дерев...

А хорошо-то как! Вот и у нас сейчас и собаки вдали лают, и свод небес над нами, и верхи дерев... Чтобы такое изобразить, знать это надо, заметить, обратить внимание. А тогда и другим сможешь показать. Я думаю, суть поэзии в том и заключается, чтобы обратить внимание людей на мир, в котором они живут. А без поэзии человек ничего не увидит в мире. Так и проживет, как слепой... А мои шустрцы знать это будут. Потому как я тоже их больше чем люблю. Кто знает, что там у них дальше в жизни будет, когда останутся они здесь одни...

— К тому времени они уже и сами взрослые станут, — говорит брат.

— А что, и я взрослым был, когда умер мой отец. Мне тогда уже за сорок было. А не стало его, и почувствовал я себя сиротой. Смешно? Да, смешно. Потому и не сказал никому. Засмеют. Тоже мне, сирота!.. А ведь так и почувствовал. Как будто я снова маленьким стал, и ушел от меня тот, кто всегда меня защищал.

— А как он тебя защищал, когда он уже старенький был? — спросил Димка.

— Просто тем, что есть на земле, вот этим и защищал.

Сидя на берегу, мы слушаем их разговор. Брат поднялся и снова ушел в темноту, за камыши, проверить донки. И вскоре я услышал, как он забросил еще одну удочку.

Теперь он будет сидеть там, на раскладном стульчике, покуривать в темноте и ждать звона колокольчика.

Интересно, о чем сейчас думает брат? Я этого никогда не узнаю. А он никогда не узнает, что я сейчас думаю о нем. Но я знаю, что он видит сейчас лес за рекой, потому что небо начинает бледнеть, и верхушки леса чернеют на том берегу зубчатой стеной. И звезд в небе становится меньше.

Но есть кое-что, что связывает нас по-настоящему. Я точно знаю, что какое бы место у нас в Асари я ни представил — любую дорожку, перелесок, дюны на море, реку, любой звук и запах, какие только у нас есть, — все это знает и он. И потому получается, что мы с ним как будто один человек. И даже если брата когда-нибудь не станет, он все равно останется здесь и будет видеть все моими глазами. Дядь Женя говорит, что мы ничего не знаем про сны. А может, мы и про жизнь ничего не знаем?..

Дядь Жена снова покашливает, и я, придвинувшись к Ире, спрашиваю:

— Он что, простудился?

— Нет. Это у него от сердца.

— А...

— Папа, — снова говорит Иринка, не оборачиваясь к отцу.

— Что?

— Уже светлеет.

— Сейчас, ребята, следите за колокольчиком. Скоро начнется.

— И первая электричка прошла. Слышал?

— Да-да.

— Папа!..

— Что?

— Нет, ничего. Я просто так...

Мне показалось, что Ира хотела ему что-то сказать, но повернулась к реке, и стали мы смотреть на далекий огонек костра на другом берегу. Туда тоже пришли рыболовы и забросили свои удочки. Огонь их костра разгорается, становится все больше, а свет его искрящейся дорожкой тянется к нам через темную реку. А мы сидим неподвижно на берегу и ждем, когда же все начнется.

Летние обманы

Вечером мы играем в футбол на лесной поляне. Небо темнеет, а у самых вершин деревьев горят на солнце стволы сосен, озаренные оранжевым светом заката. Ветви деревьев нависают над поляной, и только в самой ее середине, высоко над нами, остается рваный просвет, в котором видны гаснущее небо и первые крупные звезды.

Но вот стало так темно, что мяч, улетевший в лесной сумрак, никто из нас не может найти. И тогда все решают поиграть в придуманную мной игру. Заключается она в том, что мне что-нибудь говорят, а я должен сказать, правда это или ложь. Я почти всегда выигрываю, что очень удивляет моих друзей, но теперь стало так темно, что я ошибаюсь все чаще и чаще. Но вот мои друзья расходятся по домам, и я остаюсь на поляне один.

Глядя в глубину неба, где среди звезд скользит крохотная искорка спутника, я думаю о том, что мне хотелось бы заглянуть в будущее и узнать, что будет дальше в жизни! Как мне хотелось бы увидеть, какой будет та, которую я когда-нибудь встречу и полюблю? Ведь она же где-то сейчас есть. И, наверное, видит это же самое небо. А если она еще не родилась? Тогда звезды, горящие в небе, сейчас ближе ко мне, чем она.

Совсем стемнело. В небе, чуть светлеющем в разрыве ветвей, трепещут крылышками, носятся летучие мыши, и иногда я чувствую прикосновения к рукам призрачно-светлых мотыльков.

— Как ты это делаешь? — доносится из-за моей спины негромкий голос.

Я оборачиваюсь и вижу девчонку с велосипедом, едва угадываемую в темноте. Иногда я замечал ее возле поляны, когда мы играли в футбол. Она была не местная — приехала на лето с родителями, устроившись в каком-то из окрестных домов.

— Что делаю? — не понял я.

— Как ты угадываешь — правду тебе говорят или нет? Я слышала, как ты играл в это с мальчишками.

Несмотря на темноту, я замечаю, что она с улыбкой смотрит на меня. Она совсем худенькая и очень ловкая. Однажды я видел, как она, словно Маугли, быстро залезла на орешник, а потом, ухватившись за его гибкую верхушку, плавно опустилась на землю. После этого все стали так делать. А еще я тогда заметил, что у нее голубые глаза.

— Это мой секрет.

— А, тогда, конечно... — качает она головой, — секреты раскрывать нельзя.

— А где ты живешь?

— Там, за лесом, — махнула она рукой. — Дом с красной крышей знаешь? Меня, наверное, уже ищут. Я пойду...

Увидев, что она направилась со своим велосипедом в сторону дороги, я говорю:

— К твоему дому можно пройти прямо через лес. Это быстрее.

— Но там же сейчас темно!..

— В лесу есть дорожка. Пойдем. Твой дом прямо вон за теми деревьями.

В лесу действительно темно, хотя дорожка все же угадывается среди кустов черники. Мы идем, ступая по мягкому мху и выступающим из земли корням сосен, на которых подпрыгивает ее велосипед, позвякивая звонком на руле.

— А на змею не наступим? — спрашивает она. — Ничего не видно под ногами.

— Змеи ночью не ползают, — отвечаю я, вспомнив, как когда-то давно мне говорил об этом брат.

— А я и не знала.

— Змеи любят солнце, тепло. Иногда можно увидеть, как они выползают на дорогу, чтобы погреться на солнышке.

— Я бы не хотела это увидеть... А я знаю, как тебя зовут. Слышала, когда вы играли.

— И я знаю, как тебя зовут. Тоже слышал.

— Ну вот, познакомились, — усмехается она.

И тут, споткнувшись о корень, она едва не падает и, прислонив к дереву велосипед, трет коленку.

— Сильно ударились? — спрашиваю я.

— Ничего. О педаль стукнулась. А далеко еще идти?

— Почти пришли, — показываю на огонек в окне за стволами деревьев.

— Действительно, как близко оказалось!

— А сказать тебе, как я узнаю, правду мне говорят или нет?

— Скажи.

— Все очень просто. Я заметил, что когда человек врет, зрачки его чуть расширяются.

— А я думала, что они расширяются от боли. А знаешь, наверное, есть такая боль, которую люди не чувствуют, но она все равно есть, когда они врут.

— Наверное.

— А знаешь, я тоже могу угадать, правду ты говоришь или нет. Вот скажи, сколько тебе лет?

- Пятнадцать.
- Неправда! Ведь неправда же?
- Хм!.. А как ты узнала?
- Да спроси я у любого мальчишки, сколько ему лет, он обязательно хоть один годик, но набавит. Послушай, может, люди вообще не могут не врать? Я тоже иногда вру...
- Странно, что мы остановились именно здесь, — говорю я. — Это место особенное. Здесь мой старший брат впервые поцеловал свою будущую жену.
- Прямо возле этого дерева?
- Да. Он сам мне сказал.
- Зачем же ты сказал это мне? Из этого можно было бы сделать тайну... А ты кого-нибудь любишь?
- Она стоит совсем близко. Я вижу темные пятна ее глаз и чувствую ее дыхание, пахнущее мятой, которой много на поляне.
- Нет, — сказал я.
- Я тоже... Давай пойдем. Мне уже давно пора быть дома.
- На опушке леса, у ее дома, гораздо светлее. Да и в окнах дома горит свет. Пройдя во двор, она задвинула щеколду и оперлась локтями о калитку. Ее руки чуть светлеют в темноте.
- Смотри, звездочка упала! — говорит она. — А я не успела загадать желание.
- В августе их много будет падать. Надо заранее задумывать желание, — говорю я.
- Пока! Еще увидимся! — говорит она и бежит к дому. А потом я слышу хлопок двери, и зажигается свет в окне на втором этаже.
- Идти обратно через лес мне не хочется. Я иду один по дороге и при ярком свете дорожных фонарей не вижу падающих в небе звезд.

Звук

В Асари многое переменялось. В тех местах, где прежде были тенистые поляны, перелески, полные грибов и ягод, лесные дорожки, мерцающие от пятен света и тени, по которым я ходил к морю, стараясь не наступать на муравьев, во всех этих местах стоят теперь огромные особняки за высокими заборами. Особенно много их стало в девяностые годы.

Но солнце, воздух, оттенки природы, ароматы лесной хвои и моря — все это осталось прежним. И как хорошо, что все перечисленное нерентабельно, неуловимо и неинтересно дельцам. Точно так же, совсем не изменились асарские звуки, которые я так люблю. Но все же нет среди этих звуков одного, который я не ценил прежде, живя так, словно жить буду вечно. Об этом звуке я и хочу рассказать.

Помню, как в детстве, поздно вечером, я остановился на дороге перед нашим домом. В кухонном окне я видел маму — она что-то готовила на ужин. Окно было открыто, из кухни доносился звук чего-то жарящегося на сковороде. Я обратил тогда внимание, что звук этот был очень похож на шелест листьев на ветру.

На фоне тусклого, темнеющего неба носились летучие мыши. Вдали за лесом лаяли собаки — гулко и печально. Я научился различать их лай, но так никогда и не увидел ни одну из этих собак. И еще я слышал шум поезда, тоже далекий, исчезающий вдали. Но был и еще один звук, слыша который я знал, что брата нет дома.

Неподалеку, на одной из наших улочек, стоял, да и теперь еще стоит, большой двухэтажный дом, в котором устраивались в те давние времена танцевальные вечера. И когда я слышал музыку, доносящуюся из-за леса, со стороны того дома, я знал, что брата, играющего там на пианино, нет дома.

Но слыша звуки отдаленной музыки, видя маму в кухонном окне и отца, идущего через двор, я ощущал, что все дома. И так будет всегда.

С тех пор прошли десятилетия. И вот однажды в середине девяностых годов мы с братом шли на станцию и оказались у дома, в котором он когда-то играл на пианино на танцевальных вечерах. Теперь окна в доме были заколочены, он казался заброшенным и угрюмым в сравнении с тем прежним домом, сияющим огнями в окнах, из которых доносились смех и звуки музыки.

Я заметил, как переменялся взгляд брата, когда он увидел этот дом. Ведь у него с ним были связаны свои воспоминания, о которых я ничего не знал и мог лишь только догадываться.

— Давай зайдем, — сказал он, приоткрывая ворота и входя во двор. — Сейчас покажу тебе, где я когда-то играл. Там, наверное, все такое же, как было тогда.

— Подожди, кажется, там кто-то есть, — сказал я, заметив за домом машину.

— Здесь прошла моя молодость, — говорил брат, идя впереди меня и, казалось, не слыша того, что я сказал.

Он словно перенесся в далекое прошлое — до того изменились его походка, голос и выражение лица. Мне показалось, что он помолодел и стал беззаботно-веселым.

Мы подошли уже к самой двери, как вдруг путь нам преградил человек с хмурым, грубовато-каменным лицом. Не поднимая глаз от наших ног, словно говорил он именно с ними, человек произнес:

— Куда идете? Сюда нельзя заходить!

— Я здесь когда-то играл на пианино. Здесь раньше были танцы. Хочется посмотреть, как там теперь, на втором этаже. Там есть большой зал, а в углу стояло пианино...

— В доме идет ремонт. Выходите отсюда! Вы что, не видите, что здесь частная собственность?

Брат некоторое время стоял перед этим человеком и смотрел ему в глаза. А потом повернулся и пошел со двора. Он шел к воротам, не глядя по сторонам. Я видел только его спину, но не сомневался, что на его лице нет уже той молодой улыбки, что мелькнула при встрече с домом. Нет, здесь все было чужое и смотреть было уже не на что.

Веча

Было это давно, на лесной поляне, где мы, мальчишки лет четырнадцати, играли в футбол. Петька, пропустив очередной позорный гол, задыхаясь от негодования, выпалил:

— Они... они!.. Да они же жулики!..

— Остынь, Петька! Проиграли — значит проиграли, — осадил его Серега.

— Ладно-ладно, в следующий раз позовем Вечу, — угрожающе произнес Петька, — он один их всех уделает!..

Так впервые прозвучало это странное имя — Веча, привлечшее мое внимание своей необычностью. Впрочем, в пылу возобновившейся игры я тут же забыл о нем. На этом все могло бы и закончиться, и странное имя погрузилось бы в небытие и забвение, но прошло несколько дней, и оно прозвучало во второй раз, а в третий...

Мы сидели в стекляшке — куполообразном кафе на станции Асари. За большими окнами проносились электрички, голубело небо с раздутыми во всю ширь облаками, похожими на белые перья. Были слышны шелест листвы и писк ласточек, они юрко носились в небе и, делая крутой вираж, ныряли под вступающий козырек станционного здания.

Маленькими ложечками мы с Петькой ели мороженое, такое приятное в этот жаркий летний день. А Серега взял лимонад.

— Смотрите, кто зашел! — говорит Петька, пригнувшись к нам. — Вон, спиной стоит. Видите?

— А кто это? — спрашиваю я.

— Ты что, сам не видишь?

— Как я могу видеть? Он же спиной стоит.

— Настоящего киноактера можно узнать даже со спины. Это же Евгений Леонов!

— Думаешь, это он? — посмотрел на очередь Серега.

— Да, — прошептал Петька. — Евгений Леонов каждое лето отдыхает у нас в Асахи. Это же всем известно.

— А я ни разу его не видел, — сказал я.

— Ты сто раз проходил мимо него, но на то он и великий киноактер. Зачем ему надо, чтобы его все узнавали?.. О!.. А вон Веча с поезда идет, — воскликнул Петька, глядя в окно.

Его слова заставили меня тоже посмотреть в окно, за которым я увидел толпу народа, высыпавшего из подошедшей электрички. Я снова попытался рассмотреть в очереди знаменитого киноактера, но его в кафе уже не было. Быстро выйдя на перрон, я постоял какое-то время в растерянности. Друзья мои, сев на велосипеды, уехали на море, перрон был пуст, и я стоял на нем совсем один.

Ни Вечу я не увидел, ни Евгения Леонова не успел рассмотреть. Но если он здесь живет, то я еще встречу его. А вот Веча... Как мне его узнать? Я ведь даже не знаю, как он выглядит. И имя у него такое странное! Может, он цыган?

Я обошел станцию и оказался на небольшой привокзальной площади, окруженной двухэтажными домами. В доме напротив меня за большим окном склонился над своей работой часовщик. Рядом с его мастерской, дверь в парикмахерскую. Оттуда слышались музыка, жужжание машинки и летний ветерок доносил душистый запах одеколона. На площади я тоже был совсем один, только два голубя, воркуя, бродили неподалеку.

Из распахнутого окна на втором этаже, прямо над мастерской часовщика, положив передние лапы на подоконник, на меня смотрел лохматый пес. Обычно он лает на прохожих, но в тот жаркий день он лишь тяжело дышал, высунув розовый язык. А я, стоя на солнцепеке, совсем уже позабыл о Вече и раздумывал: чем бы заняться в тот летний день?..

С тех пор прошло более пятидесяти лет. Множество воспоминаний осталось в памяти, но еще больше забылось. И тем удивительнее, что я все еще продолжаю помнить о человеке, о котором я ничего не знаю и которого я так никогда и не увидел. Да и имя его я слышал всего лишь несколько раз.

Кто же был этот Веча, казавшийся мне каким-то значительным, сильным, а порой грозным и опасным? И казалось бы, как легко было бы спросить о нем у друзей детства, но теперь их нет уже рядом со мной.

А станционное здание все такое же, как и прежде, залетают летом под козырек крыши быстрые ласточки. Но уже много лет не работает станционное кафе — любимая нами стекляшка. За высокими, запыленными окнами темно.

И небольшая привокзальная площадь, окруженная двухэтажными домами, совсем не изменилась. Правда, в стене дома нет ни двери в парикмахерскую, ни окна часовщика. А окно на втором этаже, из которого лаял на прохожих лохматый пес, закрыто ставнями.

Как-то осенью, выйдя вечером на прогулку, я дошел до поляны, на которой мы в детстве играли в футбол. Она заросла высокой травой и березовой порослью. Я вспом-

нил, как в тот далекий день, когда услышал в первый раз имя — Веча, спросил у Петьки: а кто это такой? Но тот лишь махнул рукой в сторону леса и коротко ответил:

— Там живет. Окно вон видно...

Но я тогда ничего больше не спросил у Петьки. И даже не посмотрел в ту сторону, куда он показывал.

И теперь, зайдя на поляну и стоя на том же самом месте, я снова вспомнил слова, прозвучавшие много лет назад:

— Там живет...

Но теперь, посмотрев на заросший лес, я никакого окна за деревьями не увидел. Но ведь с тех пор лес заросся, и подлесок стал более густым. Пятьдесят лет назад он, конечно же, был совсем другим.

Начал моросить осенний дождь. С моря повеяло прохладой, и поднявшийся ветер зашумел вершинами деревьев, осыпая с них желтую листву. Несмотря на то, что совсем стемнело, я сошел с поляны и углубился по тропе в лес.

Долго я шел, прежде чем увидел темный остов дома, надвигающийся из темноты. Двухэтажный, сложенный из бревен, с крышей, крытой потемневшим тростником, когда-то он был очень красив. Но теперь крыша провалилась, бревенчатые стены покосились, и казалось, что дом вот-вот рухнет.

Я остановился перед темной громадой и пытался хоть что-то рассмотреть, но за сетью корявых ветвей замшелых яблонь увидел лишь почерневший конек крыши. Когда из-за тучи на миг выглянула луна, в темном проеме окна тускло блеснул осколок разбитого стекла. Да, когда лес был молодым и не таким заросшим, свет из этого окна мог быть виден на поляне.

Перескочив через канаву, я вышел на дорогу и направился было домой, как увидел соседку, идущую с собакой мне навстречу.

— Тоже решили прогуляться? — сказала она, чуть придерживая своего пса, настроенно зарычавшего в темноте.

— Да, захотелось пройтись вечером, — ответил я и, кивнув на дом, спросил: — Не знаете, кто здесь раньше жил? Я прежде как-то не обращал на этот дом внимания.

— Здесь давно никто не живет. Все заброшено. Помню, в детстве мы с сестрой несколько раз заходили сюда с бабушкой. Она кого-то здесь знала.

— И кто здесь жил?

— Муж и жена — кажется, художники. Или один из них был скульптором, а другой художник. В общем, интересная была семья. Я помню их сына. Он был старше нас и такой красивый, что мы с сестрой даже влюбились в него. По-детски, конечно, но все же я помню, как он поразил нас.

— А где он сейчас?

— О, там произошла очень трагическая история.

— А что случилось?

— Я всех деталей не знаю, но слышала, что он покончил с собой. У него должна была быть свадьба, и рассказывали, что он все в доме приготовил, сделал ремонт, купил новую мебель, а его невеста... Я не знаю, что там случилось. То ли она в последний момент отказалась выходить за него, то ли еще что-то... Но вот такое горе произошло.

— Это ужасно!

— Да. И вот прямо здесь же, где-то в этом саду, он и покончил с собой. Я всегда, когда прохожу мимо этого места, не могу не вспомнить об этом. Особенно осенью, ведь именно осенью это и произошло. Смотрю на эти деревья, представляю себе, как он стоял там, в темноте один. И никого не оказалось рядом, кто смог бы остановить его... А вы разве не слышали об этом?

- Нет. А когда это случилось?
- Очень давно. Мне тогда было лет пятнадцать.
- Как странно, что я ничего не слышал. А вы не помните, как его звали?
- Это было так давно. Сейчас и не припомню.
- Может быть, его звали Веча?

Она задумалась. Ветер усилился, и дождь припустил с новой силой.

— Ну не тяни, не тяни! — одернула она поводок. — Веча... Веча?... Да, вспомнила! Виестурс его звали! А если коротко — Веча. Надо же, сколько лет прошло, а вспомнила!.. Ну я пойду, а то дверь не закрыла и вся уже промокла. Не думала, что так долго будем гулять.

Я слышал ее шаги, пофыркивание пса, но вот они скрылись в темноте, и стало тихо. А я, прежде чем уйти, еще раз посмотрел на темный заброшенный дом, среди зарослей старого сада, словно надеясь увидеть огонек в темном проеме окна.

Сторож брату своему

Мой брат был старше меня на одиннадцать лет. Думаю, это и было основной причиной того, что он мало обращал на меня внимания. А в то время, когда со мной уже можно было хоть о чем-то поговорить, ему исполнилось шестнадцать лет. И опять ему было не до меня. Ведь столько нового происходит в это время в жизни.

Равнодушие брата ко мне я воспринимал как нечто естественное и, поглощенный своими играми, тоже редко думал о нем. Но когда он был рядом, я постоянно чувствовал его близость.

Вот брат играет в комнате на пианино, а я играю на полу с машинками, прямо возле его ног. Или брат, лежа в постели, читает книгу, а я лежу рядом с ним, тоже с книгой, но, не умея еще читать, просто переворачиваю страницы в тот момент, когда это делает он. Нет, я замечал своего брата. И мне было хорошо рядом с ним.

Теперь, спустя несколько десятилетий, пролетевших с тех пор, каждый раз, оказываясь на железнодорожной станции Асари, я замечаю то, чего не видят другие люди, стоящие на перроне, в большинстве своем поселившиеся здесь в последние годы.

Прямо перед ними, неподалеку от железнодорожного полотна, видны поросшие высокой травой останки фундамента, сложенного из крупных валунов. Когда-то на этом фундаменте высился огромный склад. В него свозилась клубника, которой славилась станция Асари, издревле знаменитая клубничными плантациями. Но во времена моего детства, хотя клубника по-прежнему росла в каждом дворе, в этом просторном помещении был устроен кинотеатр.

Люди поднимались по пандусу и, купив билет у самого входа, проходили в таинственно затемненное пространство с рядами длинных лавок и смутно белеющим экраном на одной из торцовых стен.

У меня осталось зыбкое воспоминание о том дне, когда мой старший брат, чуть ли не единственный раз за всю нашу жизнь, взял меня, совсем еще маленького, с собой в кино. В моей памяти сохранилось воспоминание: вот я стою перед пандусом и вижу перед собой темный проем входа в кинотеатр, и в этой тьме тонут все мои дальнейшие воспоминания о том дне.

С тех пор прошло более пятидесяти лет. Нет уже моего брата, и от кинотеатра остался лишь фундамент, сложенный из валунов, заросших высокой травой. Но на протяжении всего пути от нашего дома до останков кинотеатра абсолютно ничего не изменилось. Та же дорога, те же дома и деревья. А это значит, что я, словно в тот далекий день, могу пройти весь тот давний путь и увидеть, услышать, почувствовать все то

же самое, что видел, чувствовал и слышал, когда, совсем еще маленький, шел в кино со своим старшим братом.

И вот я снова иду по той же самой дороге, усыпанной светлой, округлой галькой. Дома по обеим сторонам утопают в зелени садов. И в тот далекий день все было так же. Я не знаю, на что я тогда смотрел и о чем думал, но и тогда сладко пах душистый жасмин, по-прежнему растущий возле домов, пищали ласточки в небе и был слышен далекий шум моторки с реки.

А какой чарующий аромат доносил ветер с моря! Солоновато-свежий с примесью сосновой смолы, он и теперь кружит голову и захватывает дух. Как и прежде, клубничные поля сменяются огородами в тени яблонь и груш и слышен крик чаек, белых на фоне голубого неба, все так же летящих в сторону моря.

А когда мы пришли на станцию, то, конечно же, попили кваса из большой желтой бочки на двух колесах, стоявшей в тени каштана, у газетного киоска. А потом мы шли дальше вдоль железной дороги до самого кинотеатра, высящегося на высоком каменном фундаменте.

Все камни этого фундамента сохранились. Я и теперь могу коснуться рукой этих камней и почувствовать шероховатую поверхность, которую мог бы почувствовать и тогда, в те далекие дни, если бы положил свою детскую ладонь на это же место.

И теперь, стоя возле останков фундамента, слыша, как шелестит на ветру сухая трава, как же мне захотелось услышать голос брата!.. Пусть он даже будет раздражен, пусть даже поругает меня за то, что я вечно отстаю, отвлекаясь на всякую ерунду, но как же мне хочется услышать его голос и наконец-то сказать ему то, что я так и не успел сказать за все эти годы.